

КОГДА я начал читать этот роман, то невольно вспомнил дебаты, которые в свое время велись вокруг Красной церкви, что у Золотых ворот в нашем Владимире. Быть или не быть ей: нужна она или не нужна городу? Сторонники сноса церкви оперировали тем, что никакой она не памятник старины, ей, мол, всего без году неделя, да и обзорности нового театра она мешает.

Такой узкий сиюминутный подход не учитывал по крайней мере трех моментов. То, что пройдут еще десятки лет, и церковь эта станет без всяких оговорок настоящим памятником старины, за сохранение которого потомки нам скажут спасибо. То, что именно такие оригинальные здания придадут своеобразие городу, создают колорит, определяющий его исторический облик. Наконец, того, что интересные творения рук человеческих должны жить века, напоминая об искусстве наших предков, участвуя в эстетическом воспитании поколений. Не случайно партия и правительство придают большое значение охране и восстановлению памятников культуры.

Сломать, разумеется, легче всего. Потом спохватившись, да поздно будет. Снесли в свое время торговые ряды во Владимире, оставив два жалких ответвления, и центр города понес урон в своей неповторимости, о чем нельзя не сожалеть. И отраднo, что при решении вопроса о старообрядческой церкви восторжествовал здравый смысл. Мы имеем теперь редкий по своей оригинальности комплекс, в котором счастье сочетаются древность, претреволюционный период и настоящее.

Прочным мостиком стремится соединить прошлое, настоящее и будущее в своем новом романе «Картина» Даниил Гранин. И пусть несколько условен сюжет: он дал возможность писателю показать пробуждение человека, который, чисто случайно столкнувшись с картиной известного художника, картиной, напомнившей ему о его детстве, о его родных местах, понял свою ответственность и перед земляками, и перед потомками, и перед историей за неповторимое прошлое, которое в виде уникального дома бывшего лесопромышленника Кислых и Жмуркиной заводы вдруг оказалось под угрозой уничтожения.

Почему пробуждение? Потому что у главного героя, Сер-

гея Степановича Лосева, а о нем и идет речь, такая сумасшедшая должность, при которой ему просто некогда взглянуть окрест себя, которая каждодневно опутывает его десятками больших и малых вопросов, требующих безотлагательного решения. Он председатель горисполкома, мэр своего родного города Лыкова. И он типичный представитель руководителей такого (и не только

крайней мере, у него их было немного, и это неправильно)...

Не хлебом единым, не одной экономикой жив человек. Но действительность в лице людей, занятых делом, хозяйством, нередко приходит в противоречие с этой истиной. Конечно, умный и умелый руководитель Уваров не против красоты, искусства, памятников истории. Просто для него они понятия абстрактные, как, на-

тогда, когда мы неосознанно совершаем промахи, в которых потом раскаиваемся.

Зато никогда не свершит таких Эдуард Морщихин. Есть команда — он с небывалым усердием и оперативностью будет готовить к взрыву памятник культуры. А появилась статья в «Правде» в его защиту, и он молниеносно совершит крутой поворот и даже проследит потом, сменит Лосева на посту мэра города Лыкова, борцом за искусство и покровителем его. Только вот его светло-серые глаза по-прежнему будут излучать холод.

Многих еще, пожалуй, слишком многих нравственных проблем пытается коснуться в одном романе писатель. Авторитет личности и авторитет должности. Долг человека и долг руководителя. Отношение к деловым людям и творческой интеллигенции. Любовь и ненависть. Всех не перечислить, а если трезво взвесить, то каждая из них может послужить отправной точкой для другого самостоятельного произведения. И не поэтому ли многие размышления героев, там и сям унизывающие повествование, выглядят своего рода тезисами, подготовленными на ходу, в спешке, не всегда органично входящими в содержание. В целом получился роман-проповедь, роман-декларация.

Так и кажется, что писатель торопился, спешил высказать все, что его волнует, что у него наболело, и в этом нагромождении теряется стройность, в общем-то, цельного сюжета, а некоторые образы не получают полного развития. У нас вызывает недоумение незадачливый альянс Лосева с Тучковой, да и образ последней выглядит противоречивым и нелогичным. Не хочется соглашаться и с развязкой романа, с тем, что главный герой вдруг неожиданно оказался «пострадавшим за идею», своего рода жертвой (не хватил ли одного Поливанова?), хотя в финале все закончилось вполне благополучно для его «детства». Неожиданно и исчезновение Лосева, добрую память о котором хранит лишь один местный «Диоген», забудьдыга и тунеядец Матвей. И его убежденность в том, что Лосев вернется, поскольку «обстоятельства именно такого человека требуют» вовсе не звучит как общественное мнение лыковцев.

Наш областной театр драмы готовит сейчас к постановке спектакль по роману Д. Гранина. Что ж, тема актуальная, сценический материал здесь благодатный, и если освободить его от излишеств, придать стройность сюжету (а он довольно занимателен), то произведение в своем новом качестве прозвучит со сцены весомо, интересно, поучительно.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ.

2207 ПРИБУЖДЕНИЕ

Заметки о романе Д. Гранина «Картина»*

такого) ранга. чья жизнь идет словно по раз и навсегда заведенному регламенту, по определенному канону, существующим для делового человека, вынужденного крутиться как белка в колесе, отчитываться перед вышестоящими и перед нижестоящими.

Но у Лосева, к счастью, еще оставалось и что-то сверх этого, и потому не прошел он мимо картины Астахова. Он увидел в ней себя, свое счастливое босякое детство, «улыскал голос матери оттуда, из-за высокой зелени деревьев: «Серге-ей!» — и привычно побежал на него в глубь этой белой рамы, в глубь этого чудом сохраненного детского дня, казалось бы, навсегда пропавшего, забытого... Было чудо, что художник поймал и заключил навечно в эту белую рамку его, Лосева, воспоминание со всеми красками, запахами, теплотой».

Да, никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя отрекаться от всего этого. Пусть живут в нас до конца дней наши впечатления детства с их непосредственностью и всеохватной жадной все увидеть, все узнать, во все окупиться. Пусть не обесценивается и не пропадает то, что было дорого. Такова позиция писателя, и мы присоединяемся к ней. И снова стоит обратиться к Лосеву, в раздумьях вышедшему побродить по предугрошенному Лыкову: «Конечно, надо отстоять заводу, чтобы было куда приходиться, видеть, как поднимается солнце и как меняются краски, как ало-красное тает, блекнет, насыщается белизной, тени укорачиваются и матовый горох росы съезживается на листьях. Обидно мало таких минут выпадает в жизни; по

пример, совесть, не воплощенные в конкретных цифрах и фактах, а следовательно, второстепенные, из них ни дома не построишь, ни хлеба не испеешь. Симптоматичный признак инерции мышления, не пытающегося понять, что истина в гармонии: между экономической и прекрасной нет противоречия, они должны быть в тесном единстве. Тогда больше будет добра, красоты и тепла во взаимоотношениях людей. Вот таков, по-моему, лейтмотив романа, поднимающего на высокий шти искусство, которое должен понимать каждый, тем более руководитель. «Ведь это счастье, что появилось что-то удивительное», — говорит учительница Тучкова, для которой картина не имеет цены, как не имеет цены душа или счастливый день. «Я вот все думаю, откуда эта красота взялась? — рассуждает Лосев. — Без картины-то — обыкновенный участок. А при сопоставлении с картиной появляется красота».

Картина стала здесь эпицентром, вокруг которого кипят все страсти, выявляются характеры, взгляды, нравственные позиции героев. Особенно примечательна и объемна фигура Поливанова, на ней как бы замыкаются и противники, и сторонники сохранения дома Кислых и Жмуркиной заводы, она объединяет в себе и заблуждения и требования целого периода нашей действительности по отношению к духовному миру людей. Когда-то в порыве революционного гнева он сжигал на костре творения искусства, олицетворявшие для него старый ненавистный мир, а теперь готов лечь костыли за них. Да, жаль, что иное видение мира приходит со зрелостью, а не чуточку раньше, не

* Журнал «Новый мир», №№ 1—2, 1980 г.